

Азриэль

ВЫСШАЯ МЕРА НАКАЗАНИЯ

ено.

Азриэль

Высшая мера наказания

«Э.РА»

2016

УДК 821
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Азриэль

Высшая мера наказания / Азриэль — «Э.РА», 2016

ISBN 978-5-00039-245-4

Автор этой документальной книги – не просто талантливый литератор, но и необычный человек. Он был осужден в Армении к смертной казни, которая заменена на пожизненное заключение. Читатель сможет познакомиться с исповедью человека, который, будучи в столь безнадежной ситуации, оказался способен не только на достойное мироощущение и духовный рост, но и на тшуву (так в иудаизме называется возврат к религиозной традиции, к вере предков). Книга рассказывает только о действительных событиях, в ней ничего не выдумано. Это уникальный материал, который знакомит читателя с реалиями, скрытыми от обычного человека за тюремными стенами.

УДК 821
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-00039-245-4

© Азриэль, 2016
© Э.РА, 2016

Содержание

От издателя	6
На другой параллели, в ином измерении	8
Арест	10
Молчаливый разговор	16
Дорога туда	22
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Азриэль
Высшая мера наказания.
Документальный роман

*Любимой,
преданной всем сердцем, посвящаю...*

Автор стихотворений Эстер-Виктория Застер

בס"ד

В издании соблюдено написание слова “Б-г” согласно религиозной традиции, принятой у русскоязычных евреев.

От издателя

Эта книга-исповедь принадлежит перу Юрия Саркисяна, а рассказывает она о несгибаемом мужестве и о большой любви... О том, как Человек в любых условиях может найти в себе силы и направить свою душу к Б-гу.

Автор уже более 22 лет находится в заключении, потому что был осужден в Армении к смертной казни, замененной впоследствии на пожизненный срок. И пишет в книге он о себе самом. Узнав о таком авторе (а теперь он стал еще и редактором, помогающим мне в работе издательства), люди иногда удивляются. И никак я не могу понять, что, собственно, их так волнует и неужели они не знают не только расхожих истин типа «от тюрьмы и сумы...», но и не чувствуют, что мир на самом деле един, что жизнь одна, что так же, как нет для эмигранта или репатрианта разделения на «в той» и «в этой» жизни, так же и нет, увы, в человеческом обществе разделения на тюрьму и волю... Для меня общение с любым человеком, в том числе и заключенным, естественно. Любая религия (да и просто здравый смысл) говорит нам – каждый человек может стать праведником. А порой бывает и так, что чем страшнее ошибки, которые совершил человек, тем короче его путь к вере в Б-га и праведности. Хотя, конечно, конца у этого пути нет и не может быть...

Я познакомилась с женой автора и героя этой книги в интернете. Она размещала просьбы о помощи (касающейся условно-досрочного освобождения мужа). Ей никто не отвечал. Размещала она их в группах, куда заходят вполне интеллигентные и грамотные люди... Но отчего посты Эстер-Виктории сопровождало гробовое молчание читателей? Люди не верят, не хотят сочувствовать? Виктория просила о материальной помощи, которая могла бы помочь ее мужу выйти на свободу. Однако столь же остро, как в деньгах, она и ее муж нуждались и нуждаются и в моральной поддержке, в понимании, в общении... Что сказать на это? Повторять сентенции на тему – «ах, наши сердца очерствели»? Это неинтересно и скучно. Вероятно, все мы живем в разных измерениях – у одних есть душа, а у других... не знаю...

Я стала общаться с этой семьей. Очень скоро я почувствовала, что они – люди настолько сильные духом, что им впору самим поддерживать других, быть маяком для заблудившихся... И тут мы переходим к следующему аспекту этой истории...

Есть понятие в иудаизме – потерянные дети. Это евреи, которые не знают, что они евреи, или в силу разных обстоятельств (холокост, гонения, запреты на еврейскую традицию и пр.) не имеют ни одного подтверждения своего еврейства у кроме сердца и души, которые тянутся к традиции и вере предков. Герой и автор этой книги и его жена вернулись к еврейской традиции, стали, как принято говорить в религиозных кругах, «соблюдающими». Сразу отвечаю завистникам и недоброжелателям: автор находится в Армении, в заключении, жена автора – живет в Украине. С огромным трудом она приезжает к мужу на свидания. Никаких дивидендов, никаких выгод от еврейства ни она, ни он не получают и не ждут...

В местной еврейской общине Эстер-Викторию хотя и принимают, но иные к ней относятся настороженно – не «опозорит» ли их компанию присутствие жены заключенного? А она, чистая добрая натура, всё равно стремится помогать людям, даже работала как волонтер – преподавала иврит...

Виктория является автором стихов, включенных в эту книгу. Но она стала соавтором не только книги, но и духовного возрождения своего любимого человека. Многие люди, не столкнувшиеся с тюремным заключением, даже не подозревают, сколько духовных сил нужно вкладывать ежедневно в общение с близким человеком, попавшим в беду, чтобы сохранить его психическое здоровье, помочь не потерять веру в людей и добро....

Одним словом, я горжусь, что познакомилась с такими людьми. Я даже им завидую!... Ведь счастье – это когда тебя понимают, а они не просто понимают – они любят друг друга. И еще счастье – это когда ты нашел свое место – свой народ, свою Веру, свой путь к Б-гу... Виктория и Юрий всё это нашли.

И, наконец, третий аспект этой истории. Люди, заключенные пожизненно, имеют право на условно-досрочное освобождение (через 20 лет...). Юрий Саркисян тоже имеет такое право. Но перед такими осужденными в Армении (а их 96 человек) стоит глухая стена. Никто из должностных лиц их освобождением не занимается и заниматься не хочет. Люди просто находятся за решеткой – и ждут, ждут... Может быть, книга, написанная автором в тюремной камере, поможет сделать хотя бы один шаг на волю?

*Э. Ракитская,
член Союзов писателей Москвы, Израиля и Международного Союза писателей Иерусалима*

На другой параллели, в ином измерении

«Кто бы мог подумать, что мы будем так много знать и так мало понимать».
Альберт Эйнштейн

Зовут меня Азриэль. Это имя и книга родились в неволе. Лишь благодаря моей жене Эстер-Виктории Застер и поэтессе Эвелине Ракитской произведение обрело свободу. В нём рассказывается о реальных людях, событиях, судьбах. Поэтому большинство имен и названий изменено. Центральной фигурой повествования является человек. Преступником он становится в двух случаях: когда бывает достаточно высокого мнения о себе, либо – слишком низкого о других. Тогда появляется государство и укладывает его в «прокрустово ложе» Закона. Вся дальнейшая жизнь регулируется уже разбойничьей методой. Бережёного Б-г бережет, а небережёного...

В жизни всё переплетено. Очень сложно распознать, где заканчивается личность и начинается Оно... Сперва просто говоришь себе: «Было бы неплохо поступить иначе...» Затем хочется повторить приобретенный опыт. Потом ещё, и ещё... Так ненавязчиво автор проекта внедряется в тебя, закрепляется. А дальше уже не твоя жизнь, неизвестный путь, чужой вымысел. Гоняешься за мечтой, за каждым пролетающим мотыльком, даже не задумываясь о последствиях таких энтомологических увлечений. И уже после, далеко в будущем, сработает эффект бабочки. Но это всё равно что на другой планете, в ином измерении, так что беспокоиться незачем, да и поздновато. Мысли – те же бабочки в коконе. И чем они содержательнее, тем разрушительнее будут освобожденные крылатые фурии. Всё это – действительность, произошедшая когда-то, и преобразующая настоящее время. В буквальном и переносном смысле. Великий шёлковый путь, вымощенный трупами и политый человеческой кровью. Вопрос виновности бабочки шелкопряда никогда не ставился. Человек опутан коконом чужеродных идей. Какой след оставит в мироздании взмах его будущих крыльев, – неизвестно. Тех, кто их имеет, называют Б-жьими посланниками. А весть, несомую ими, – благой.

Порой кажется, будто события разделены непреодолимой преградой и не могут быть вписаны в причинно-следственный ряд. Но на деле, все они – звенья одной цепи. А бывает и так, что человек представляет свою судьбу как череду логически предопределяющих друг друга явлений. Но вдруг происходит нечто непредвиденное и... Всё летит кувырком! Да так быстро, что не успевает «затормозить». Это как стихийное бедствие, несущее страх, крах и сомнительный опыт. Схожих ситуаций не бывает, потому что каждая обусловлена уникальностью требований. Человек не видит дальше собственного носа. Но охотно суёт его всюду, куда не просят. И творит мир иллюзий, подменяя реальный.

Людам важно мнение тех, в чьих глазах они отражаются. Тратят массу слов и энергии, часто срываются на крик, даже находясь вблизи. Но редко бывают услышаны. Почему? Потому что нет никаких жизненных линий – параллельных, пересекающихся или соприкасающихся. Жизнь – это спираль! Бесконечный крутой поворот. А человек за баранкой «крутого» авто. Вспышки вопроса «А что я делаю за рулем?» так и гаснут, не прозвучав.

Ничего не помнит! Никого не узнаёт! Кто, когда и зачем посадил в машину? Движение осознаёт уже на трассе. И вот он «летит». Только и беспокоится, чтобы выйти в лидеры, не сойти с дистанции, не разбиться, не разлететься на части. Где уж тут докричаться друг до друга? Кусочки, фрагменты потом, конечно, собирает. А толку-то? Катастрофа лишь отдаляет от правды, от себя родного. Навязанные переживания из-за краха чужих идей заставляют сродниться с потерей. И вспоминаются последствия изгнания из рая – «В поте лица твоего есть

будешь хлеб». Человек лишается частички чужой жизни. Но ему кажется, что это свои куски, своя плоть и кровь, брызги своего шампанского! И некому крикнуть:

– Да ты вспомни! Ведь даже не знаешь, как оказался участником чужой гонки! Где твоя собственная жизнь? Не придуманная кем-то. И не навязанная амнезией. Так кто ты? Ну, давай, вспоминай! Те первые неуверенные шажки. И неуклюжий, захватывающий дух, бег навстречу материнским рукам. Вот то было твоё, родное! А сейчас... Разве это дело, – жить, всё время оправдываясь? Мол «этого не успел», «того не доделал», «Простите», «Извините», «Ваша правда», «Больше не повторится». Вечная погоня за чужим мнением! Существоешь в тени другого и ещё удивляешься отсутствию собственной! А ведь только призраки не отбрасывают тени. Вывод, конечно, очевиден.

Ждать от жизни слишком много значило бы – прожить её в вечном недовольстве. Люди имеют то, что имеют. И этого достаточно. Единственная преграда, разделяющая свободных и рабов, – это решётка и колючая проволока, засевшая в мозгах последних. Годы изоляции делают узника человеком. Тогда как по ту сторону «запретен» люди смотрят на подобных себе волком. Возможно, что многолетнее ожидание смертной казни побудило его впитать жизнь во всей изысканности. Как бы там ни было, а человека не расстреляли. Находится на другой параллели, в ином измерении, но – живой. Времена года там погоды не делают. Атмосфера ненависти и неестественности давит так, что не продохнуть. Сердце и душа захлебывается в тоске, как в болоте. Но люди выживают. И больше благодаря тому, что частично мертвы. Умирают лишь тогда, когда пытаются оживить воспоминания, несовместимые с неволей. Жизнь словно замерла. И время уступило свою власть вечности. Дни кажутся нескончаемо длинными. Но проходят годы, – десять, двадцать лет... Для узника это – будто вчерашний день. В двух словах не расскажешь...

Арест

В сонной, ночной безмятежности
Пульсирует звезд экстаз.
Бремя подлунной нежности
Сейчас не у нас, не у нас.

Помню сквозь сон, я помню:
Нужно вставать – идти.
Где ты ожиданием томным
Покой навсегда смутишь

Но лаем собачим гулким
Разбудит чужая речь.
Враги из тени закоулков
С собою хотят увлечь

Вырвусь! Буду сражаться!
Но нет... Здесь отец, семья...
Похоже придется сдаваться.
Бесславно закончил я.

Берите, – победа за вами
Стального капкана звук
Сковал в этой странной драме
Свободу поникших рук.

Прощай, город теплой сказки,
В багряном роскошном сне
Вина и восточной ласки
Не видеть сегодня мне.

Что ждет за седыми горами
Узнаю, пройдя перевал
Буду бороться с вами!
Запомните – я не пропал!

Сознание встрепенулось сразу, с первым звуком тревоги. Ресницы дрогнули и человек открыл глаза. Рычание бросилось от окна к забору. И дальше, – к входу. Животная ярость вцепилась в железо, закружила в бессилии по двору. Лай овчарки разорвал предрассветную тьму. Там что-то происходило. Собака буквально захлебывалась от злости. Часы показывали пять утра.

«Надо бы успокоить, может с кошкой сцепился», – неуверенно мелькнуло в голове.

Тихо встал, стараясь не потревожить спящую жену. Одеваясь, услышал шаги отца в прихожей.

«Отлично! Можно ещё поспать», – зевнул парень, откладывая одежду.

Незнакомые мужские голоса и раздражённые нотки в ответе родного человека насто-
рожили. А требовательный стук в дверь не оставил сомнений. Сон улетучился моментально.
Быстро застегнул куртку и разбудил жену отрывистым:

– Марин, проснись... За мной пришли!

Затем кинулся к балкону. Однако, уйти садами, как прежде, не удалось. На этот раз споткнулся об угрожающие окрики и клацанье оружейных затворов. Они неслись отовсюду, – из-за деревьев, соседского забора, от калитки. Поняв, что обложен, захлопнул эту дверь и побежал к входной. Её тоже запер на замок. Мозг лихорадочно искал решение. Человек действовал машинально и, не видя выхода, перекрывал входы. Он прекрасно понимал, что жалкая пара досок никого не остановит. Несмотря на решетку, врезанную в окна второго этажа, его дом далеко не крепость. Сравнение с тюрьмой обожгло мозг... Наивные черепашьи манёвры здесь не помогут. Осторожно приподняв занавеску, увидел отца. Тот тщетно преграждал чужакам дорогу. Но сына спасти надо было раньше, – пятнадцать, двадцать лет назад.

«Сейчас...», – взгляд обогнал мысль.

Они уже повсюду. Двое в гражданском приставили пистолеты к груди пожилого муж-
чины. Ещё один навел оружие на собаку. Хозяину ничего не оставалось, как взять пса за ошей-
ник и поместить в вольер. Там животное и продолжало разъярённо метаться.

Через мгновение двор заполнили люди в чёрном, – однообразные безликие фигуры...
Одни взяли под прицел окна дома и балкон. Другие обыскали гараж, туалет... Всё освещалась
неяркими фонарями, вынуждая незваных гостей держаться в тени. О преступнике не было
достоверной информации, – ни родственники, ни соседи толком ничего не знали. Полгода
безрезультатной слежки за домом, в конце концов, привели к успеху. Столичным оператив-
никам удалось завербовать соседа, – бывшего главу охраны опального экс-президента Грузии.
Пригрозили суровой расправой в случае отказа сотрудничать и не оставили бедняге выбора.
Забрав двоих малышей, жену и тещу, тот уехал в село, на дачу. Что и послужило сигналом
для спецслужб.

Осаждённый насчитал не менее пятнадцати человек в обозримом пространстве. Скры-
тых неизвестностью было наверняка не меньше. Насыщенные мгновения требовали решимо-
сти:

«Туда? Сюда? Или головой в бездну?».

Безумство желало войны, – разум её отвергал. Руки до боли сжали опасную сталь...
Отчётливо слышалось взволнованное дыхание близких. Воин отодвинул диван и положил авто-
мат в тайник. Земля как будто провалилась под ногами. Он понял, что проиграл. Решение
пробилось каплями холодного пота. Мир стремительно менял свои очертания. Усмешка иска-
зила гордые губы:

«Что ж, не всем помирать с музыкой».

Мысль о сдаче казалась предательской. Месяцы бегства так ни к чему и не привели.
Он окинул комнату взглядом. Дверь в спальню была закрыта, в детскую – тоже. Не слышно
ничьих голосов или плача. Захотелось увидеть Вику и сына. Но их не было. Его настоящая
семья находилась слишком далеко. А те, кто вблизи, теперь и вовсе недосыгаемы:

«Бедные! Спрятались, поди, от страха? Или за страхом...».

На секунду закрыл глаза. Тишина была осязаемой. Отчаяние и безысходность правили
бал. Взор снова скользнул по стенам. Одиночество, загнанное в угол, стало невыносимым. Всей
грудью втянул в себя запахи родного дома, ставшего западней. Потом открыл створку окна и
громко выдохнул наружу:

– Эй! В доме женщины и дети. Спрячьте оружие и я сдамся.

Ультиматум завис над землёй. По меньшей мере, всеобщее внимание парень себе обес-
печил. Тени зашевелились, предвкушая развязку. Мир недолго держал молодого человека на
«мушке». Волна облегчения сотрясла воздух и угасла. В основе многих решений лежит жизнь.

Сегодняшнее – не исключение. Маски не скрыли радости. И, в какой-то мере, испытали благодарность к преступнику. Они демонстративно защелкали предохранителями, опуская руки.

Дверной замок открылся и парень отступил назад. Победители входили без суеты. Обращались подчеркнуто вежливо. Уточнили имя, фамилию. Почему-то не глядя в глаза, предъявили ордер на арест и сами зачитали обвинение. Двое в масках, молча, подошли, взяли под руки. Третий стянул запястья задержанного одноразовыми наручниками. Замершая, с окаменевшим взглядом, жена на мгновение ожила в попытке набросить тёплую куртку на плечи мужа. Но одеться и попрощаться не дали. Окружив, провели через освещенный двор на улицу и посадили в легковой автомобиль. Пленник чувствовал взгляды соседей из оконной темноты. Об их участии в этой облаве не думал. Эскорт из трех «легковушек» и одного микроавтобуса тронулся в путь. Сын навсегда покидал отчий дом...

На улицах города было пустынно и серо. Молодой человек бездумно смотрел на мелькающие за стеклом дома, деревья. Лишь при виде родной школы взгляд арестанта оживился. Но, то была лишь искра. Ведь поклялся, что живым его никогда не возьмут. Повторял это много раз. И точно знал, что соображения здравого смысла продиктованы трусостью. Она и сейчас убеждала смотреть на ситуацию с позиции слабости, а не силы. Гордость не была уязвлена. Такое малодушие случалось и раньше, – в Афгане. Смерть детей и женщин, расстрелянных на его глазах, мучила до сих пор. Но если первый случай перевернул всю душу, то в этот раз даже не было стыдно. Единственное беспокойство, – чтобы другие не догадались. Человек никогда не меняется. Но проявляется как личность в каждом миге.

Кортеж опасного преступника спустился с гор Метростроя на набережную Куры. Центр древней столицы уже пробудился, зевая и потягиваясь. Станции метрополитена приветствовали ранних пришельцев. На остановках зябко переговаривались курильщики. Встречный свет автомобильных фар мелькал всё чаще и чаще. Когда пересекли мост Бараташвили, соединяющий сердце Тбилиси с армянскими городскими кварталами, арестованный оглянулся. Конвоиры тут же насторожились. Но поняв, что парень просто прощается с родными местами, – успокоились. Сидящий на переднем сидении офицер хмуро произнес:

– Тебе, бичё, надо было почаще вперед смотреть, думать о последствиях, – тогда и оглядываться не пришлось бы.

Пленник, не оборачиваясь, кивнул:

– Ну да. Если бы знал, где упаду, – соломки б подстелил... Тем, кто без оглядки живут, тоже не сладко приходится. Да им, наверное, и оглянуться то не на что...

– Ну, смотри, смотри. Последнее время что-то на философов везет, – ты уже пятый будешь.

Пленник отвернулся от прошлого:

– А вот мне первый раз такое счастье привалило, – с ментами.

– Угу, шутник, блин. Да ещё и счастливый на всю катушку. Поздравляю, кацо!

Впереди идущий автомобиль требовательно засигналил, сворачивая к какому-то зданию. Разговор прервался. Кортеж проехал мимо будки охранника к входу в Управление МВД Грузии. Выйдя из машины, пленник посмотрел в унылое ноябрьское небо, надеясь увидеть начало рассвета. Но оно было по-прежнему мертвенно-серым. Арестованного препроводили в кабинет начальника отдела уголовного розыска. Там собрались все участники операции по задержанию. Грузины были настроены благодушно. В глубине души каждый благодарил судьбу за успешный исход. В ожидании армянских коллег, задавали подозреваемому вопросы о причастности к преступлениям, в которых того обвиняют. Без масок ребята выглядели вполне обычно. Весёлый, ненавязчивый тон располагал к ответу. Одному из офицеров видать понравился пёс арестанта:

– Хорошая овчарка у тебя, биче! А ведь могли пристрелить.

Пленник насмешливо бросил:

– А собака-то что сделала? Не жалко такого породистого пса убивать?..

Начальник отдела резко встал с кресла:

– Ну, ты наглец, парень! Людей, значит, убивать можно. А собаку – жалко! Да я тебя только за одни эти слова собственноручно бы прист...

Телефонный звонок помешал завершить угрозы. По всей видимости, он получил распоряжение относительно арестованного. И, бросив короткий ответ в трубку, приказал снять с подозреваемого наручники и увести в камеру. Одноразовые путы срезали ножом. Потом тщательно обыскали. Оформили бумаги. И повели вниз, в подвальный этаж министерства. Там находился специзолятор Управления. Пленник усмехнулся, хотя на душе было невыносимо тяжело:

– Сегодня всё время скатываюсь вниз. Сперва – к реке. Теперь – в подвал. И как долго это продолжится?

Сопровождающие надзиратели понимающе улыбнулись. Седовласый прапорщик глубокомысленно заметил:

– Это тебе решать! Можно скатиться на самое дно. Но, если не захочешь, то останешься человеком. И это независимо от местонахождения... В камере тебе это популярно объяснят, – будь спокоен. Ты ведь не судимый, верно? Повезло, что попал к порядочным людям. Хотя за пару часов мало чему научишься...

Арестованный удивлённо перебил:

– А порядочных-то в тюрьму за что?

В ответ загремела отпираемая решетка. Потом следующая. Перед задержанным протянулся длинный коридор с несколькими десятками черных дверей. Возле третьей справа они остановились. Человек понял, что стоит на пороге, от которого всегда зарекался...

После недолгой и непонятной возни с замками и цепью, дверь неохотно отворилась. В нос ударил неприятный запах из смеси человеческого пота, мочи и ещё чего-то специфического. Коридорный свет, проникший через это отверстие, упал в кромешную тьму. Новый узник нерешительно вступил на эту дорожку, которая тут же исчезла. Грохот захлопнувшейся двери заставил вздрогнуть. Ключ с пронизывающим скрежетом повернулся, казалось, прямо в мозгу. Тогда он ещё не знал о мнении специалистов, считающих, что, именно, с этого звука у заключенного начинается тюремный психоз. Не догадывался и о других разрушительных последствиях неволи. Но жизнь полна перемен и необратимых почти не бывает. Узник зажмурился и снова открыл глаза, привыкая к мраку. Теперь он видел, что очутился в тюремной камере с тремя неизвестными. Они тоже смотрели в его сторону, ожидая какого-то продолжения. Произнеся грузинское «Тамарджобат!» (Здравствуйте!), узник прошёл вперёд и сел на настил из досок, напоминающий небольшую сцену.

В голове всё ещё проворачивался тюремный ключ:

«Одна неопределенность сменилась другой и уравнение не из простых. Всего мгновение назад я спал в собственной кровати и вот – здесь. Слишком быстро, чтобы проснуться. Но... давно пора. Сколько ж часов прошло?»

Ощущение нереальности, – какой-то пространственно-временной сдвиг:

«Вроде бы понимаю, – где я. А вот... твердой уверенности нет».

О чём-то спросили. Потом ещё... На вопросы «сидельцев» парень отвечал машинально. Пытался собрать себя, растянутого в этом утре. Участливая тяжесть очередного вопроса легла на плечо рукой одного из арестантов:

– Всё никак не очухаешься, сынок?

Он присел рядом:

– Ты не тушуйся. У них на тебя ничего, кроме подозрений. Пока доказательства ищут, давай-ка лучше чайком побалуемся.

Горячий чай, и дружеская атмосфера вывели из ступора. Разговорились. Познакомились. Собеседник назвался «Дедом»:

– Имя своё я уже позабыл, сынок... Все так кличут, – «Дед» да «Дед». Вроде сроднился. О том, из прошлого, не вспоминаю... А твоё имя?

Парень задумался вспоминая. Собственное имя осталось где-то там, рядом с девушкой и пятилетним малышом. Оно прозвучало как чужое:

– Юрий.

Второго – двухметрового громилу – звали «Бароном». Оба представляли элиту преступного мира. Последним из сокамерников был молодой паренек, племянник Барона, – Тела. Глаза привыкли к темноте.

Новичок огляделся. Помещение небольшое. Вдоль задней стены общие деревянные нары. В боковой перегородке вмонтирован огромный, как и всё советское, кондиционер. Над дверью, в нише, забранной металлической сеткой, – неприметно ютились лампочка и микрофон. Слева умывальник и «параша». Ни окон. Ни стола. Ни стульев. У подножия нар раскаленная электроплита и горящая свеча. Вокруг этого импровизированного очага все и сидели. Кто на корточках. Кто – на нарах... И только Барон нервно ходил взад-вперед перед дверью, ругая Шеварнадзе на его родном языке. Гостю вкратце объяснили причину безответной страсти великана к маме президента Грузии. Барона обвиняли в организации убийства брата главы Аджарии. И Шеварнадзе теперь из шкуры вон лезет, чтобы угодить лидеру вассального государства. Информацию о политических интригах, предстоящих выборах, необходимости обеспечить голоса и тому подобное, Юрий пропустил мимо ушей. Про Гелу узнал, что того взяли за компанию, как заложника. Гела этим не тяготился. Он мечтал стать вором и ради дяди был готов на многое. Но великан не одобрял его притязаний.

Племянник спросил о причине, резонно добавив:

– Ты ведь меня с пелёнок знаешь! Нянчил, когда я ещё ползать не умел.

Барон недовольно обрубил:

– Вот именно! Ползать-то, конечно, научился. А вот прямо ходить... Молод ты, бичё! Что я твоей матери скажу?

Старик согласился:

– Такие вот – «воры» лишь до «Белого лебедя». Они как наши мандарины, – скороспелые и быстропортящиеся. А брось в печь, – один шлак и останется...

Из рассказа о Соликамской пересыльной Юрий услышал лишь начало. Какая-то тюрьма строгого режима. «Белый лебедь» что ли? Странное слово – «пресс-зона». Там «ломали» так называемых блатных, – даже авторитетных воров. И намёк на Гелу, – ...не то, что каких-то «мандаринов». Дальше слушал отрешённо. Не мог забыть бледные лица родных, жену с её неуверенной заботой. Огромные глаза Виктории, наполненные слезами. И Максюша... Что-то весело щебетавший, – взъерошенный, светленький как мама. Мальчик будто предчувствовал долгую разлуку. А может просто чувствовал тревогу родителей. Он обнимал материнские колени, прижимался... Юрий вздохнул:

«Не надо было уезжать! Дался мне этот развод... Зря не послушал тебя, родная!».

И он вновь увидел любимые глаза цвета лесных орешков. Из них буквально выплескивалось:

«Не уезжай! Не уезжай!! Не уезжай!!!».

Вслух сказать этого она не могла – знала, что он все равно поступит по-своему. Поспешное прощание. Объятия сыночка. Торопливое обещание купить «настасява» робота, увиденного в какой-то витрине. День рождения малыша через две недели. И подарок готов, – в камере хранения тбилисского аэропорта... Отец никогда не должен разочаровывать ребёнка! Теперь навряд ли успеет. Память оставила их в постоянном месте встреч, – возле барка «Товарищ». Трехмачтовое судно со спущенными парусами покачивалось на волнах. Паруса символизировали

ровали скорую встречу. Вот только наполнятся ли они когда-нибудь ветром, – одному Б-гу известно!

«Бррр...», – парня охватил нервный озноб.

Только сейчас он почувствовал, что находится в промозглом сыром подвале. К тому же, – в тапочках на босу ногу. Взглянул на товарищей по несчастью. Дед одет просто, но добротно. Мягкие коричневые ботинки, черные шерстяные брюки, свитер и «душегрейка» из дублёной кожи. Невысокий. Суховатый. Умные пронизательные глаза. Короткие седые волосы. Гладко выбрит. На вид лет пятидесяти. В отличие от него, Барон был в расцвете лет. Чёрная щетина лишь подчёркивала серьёзность ситуации. Небрежно-богатый «прикид». Смокинг, пальто из шелкового драпа, матово-лаковые штиблеты.

«Поди взяли с какой-то вечеринки», – мелькнуло в голове.

Племянник тоже «упакован» не хуже. Один Юрий – в лёгкой спортивке и домашних шлепанцах.

Внезапно подвальная идиллия нарушилась. Загремела отпираемая дверь и ограничительная цепь. Жизнь встрепенулась и снова рухнула в сумасшествие. Сначала в кандалах увели Деда. Затем чёрные «браслеты» защелкнулись на запястьях Юрия. Какой – то опер в звании майора. Странная игра в шахматы в неподобающее время, в неподходящем для этого месте и со странным соперником. Его «ход конем». Попытка вербовки... Офицер рассудительно убеждал взять на себя пару нераскрытых убийств. Обещал оставить в стране и «скостить» срок:

– Ты хороший парень! Армяне от тебя не отстанут, – всех собак повесят. Подумай, – время ещё есть. Если что, – дай знать через надзирателя.

Молодой гордец самоуверенно заявил:

– Не понимаю ни армян, ни вас, грузин! Ничего не знаю ни о каких преступлениях! Убийствах! Ни о «шахматах» ваших! Уведите меня в камеру!

Майор усмехнулся:

– Да ты что! Решил под дурака закосить? Ну-ну... Только мой тебе совет! Всех остальных за идиотов не держи! Невинный не требует «в камеру». А только – на свободу! В общем, разговор не окончен. Ты подумай! Хорошо? Смотри, парень, «романтика больших дорог» требует кое-каких жертв. Ты уверен, что готов? Я дело твое видел. Ты же в юридический поступал. Для сокамерников твоих это – как красная тряпка для быка. А сейчас иди!

Парня увели. Спустили обратно, – в сырость, в отрицание. Сняли наручники. Барон выслушал его жалобу. Назвал «стандартной процедурой» и ободряюще просветил:

– Не бери в голову. Обычные ментовские «ломки». Всех мерят одной меркой.

Но молодой арестант ещё не осознавал подобных стандартов. Снова цепь, ключ в ржавом замке. Это был Дед. Его принесли на руках. Босоногого. Без сознания. Отдельно – ботинки. Ноги – в крови и синяках. Грузинская брань эхом отозвалась в подземелье. Барон снял с себя пальто. Свернув его, осторожно подложил под голову Деда. Потом переговоры с соседними камерами. Вскоре фундамент министерства, буквально, задрожал от негодующих криков, ругани и грохота посуды об стены.

В специзоляторе МВД Грузии начался бунт!

Молчаливый разговор

Чай и свеча дрожащая очертили призрачный круг.
Сгустками, каплями, лицами мир засочился вдруг...
Пламя стоит мерцающе, словно прицел в ночи.
Память воспоминаньями странно и горько кричит.
Велик мой в проруби...
Руки отцовские.
робость и нежность сестер...
Город, смеющийся хлебом и фруктами,
Кто-то в мгновение стер...
И потекли уже новые образы в наш разговор без слов.
Прошлого с будущим, боли и гордости
слышен безмолвный зов.
Руки белеют, свеча отражается
в мудрых, спокойных глазах.
В трепете пламени, в мыслях неслышимых всё, —
и полеты, и крах...
Каин и Авель,
Костры инквизиции,
В рабство голодный уход...
Белжец и Аушвиц, —
Бездна изгнания...
Все же спасенье грядет!
Стылость тюрьмы исчезает от кружки,
тепла, мирных рук...
Нередко слова бесполезны. Нужны тишина, ночь и друг.
– Дед я, – сказал...
Все вопросы легкой улыбкой встречал.
Кто же он был? Мудро, просто,
всё и как есть показал.
Смерть и бессмертие,
Честь и бесчестие,
Тьму и источники сил,
Мысли свободу
И слов покаяние...
Новый рассвет наступил.

Протест человека против любого произвола справедлив и оправдан. Узник дорого расплачивается за собственные грехи. Поэтому его нетерпимость к тем, кто совершает преступления безнаказанно, принимает крайние формы. Взбунтовавшиеся заключенные ломали всё, что ломалось. Вооружались всем, что могло служить оружием. Баррикадировали двери камер, чем попало. Сваливали в кучу матрасы, намереваясь их поджечь при необходимости. Тюрьма готовилась к отражению штурма спецназа. Это была настоящая война угнетаемых с угнетателями. Она никогда не прекращалась. Заключались временные соглашения, но – ненадолго. Нарушался негласный договор исключительно властями, – их очередной попыткой беспредела. Как случилось и на этот раз...

Новичок, распалённый общим негодованием, без раздумий включился в борьбу. Деревянные нары пошли на баррикаду. Поверх досок навалили лишнюю одежду, матрасы. Тела затачивал края алюминиевых мисок. Шла подготовка к бою, привычная для бывшего афганца.

Дед пришел в себя. Узнав о бунте, одобрил все действия Барона. Они недолго поговорили друг с другом. Затем Барон передал слово Деда соседям, вызвав их стуком в стену. Те «прогнали» по всем камерам, чтобы держались изо всех сил, а то менты вконец «оборзуют». Через глазок в двери виднелись ряды спецназа, – в масках, с дубинками и щитами. Откуда-то из глубины подвальной тюрьмы послышался звук открываемой двери. Угрожающие крики перешли в шум борьбы. Стены с новой силой затряслись от ударов металла и гневных криков узников. Затем наступило затишье...

Дед подозвал Барона. Потом вызвали надзирателя. Разговор шел на грузинском. Юрий разобрал несколько слов. Понял, что воры требуют начальника. Через пять минут дверь в камеру отворили. По ту сторону крепостного вала стояли три офицера. Выслушали Деда. Начальник кивнул головой. Что-то ответил на грузинском. И удалился.

Гела, наблюдающий через глазок за спецназовцами, сообщил, что те покидают зону. Потом дверь снова открылась и Барон с Белой вышли в коридор. Новичок вопросительно посмотрел на Деда. Вор объяснил:

– Всё, сынок! Мы своё сказали. И продолжать дальше, – себе во вред. Менты пока поостерегутся беспредельничать. Чуток ослабят режим. Большого сейчас добиться не в силах.

Юрий согласно кивнул. И стал укладывать доски обратно на нары. Вернулись дядя с племянником. Великан был взбешен:

– Нодар Сочинский в «больничке»! Суки попытались ворваться в «хату». Он запалил матрасы. Но бляди его схватили и вытащили из «хаты». Нодар зубами разгрыз вены. Сейчас у них.

Раскаленная спираль грела воздух. Она вернула иллюзию постоянства. Свеча облизывала вязкую тьму. Язычки пламени множились и вновь соединялись. Часов не было. Хотя, судя по всему, там наверху солнце уже закатилось за горизонт. Правда, для многих узников министерского подвала оно даже не всходило. Бунт показал ментам настоящих хозяев в тюрьме. Долго извинялись. Нагнали бригаду врачей. Грозилась разобраться со следователем. Хотя и дураку понятно, что это не более чем временные уступки.

И вот – вечер! Это всегда нечто большее, чем порог нового дня. Тот самый переход от мира формы к миру содержания. Племянник и дядя крепко спали. Двое других арестантов пили чай. Одного угнетали годы и боль в ногах. Другого – отсутствие опыта и нежелание с этим мириться. Чужие мысли считают «потемками», часто их путают с интуицией. Готовые образы, подаренные зрением и слухом, как «сыр в мышеловке». И с такими же печальными последствиями. Зато совсем необременительно для совести и ума. Но за гранью осознаваемого всё получается само собой. Юрий больше ничему не удивлялся. События сменяли друг друга в мгновенье ока. Глупо что-либо загадывать наперед. Он учился у жизни. И она была настойчива. Новые мысли. Незнакомые смыслы. Непредсказуемые ситуации. Старался всё заметить, запомнить. Взглянул на Деда. Парню вдруг показалось, что слышит думы старого вора. И воспользовался случаем пообщаться без слов.

«Молодец наш Гела! Знатный чаек сварганил. Знаешь, почему мы его «Кроликом» кличем?», – и Дед поведал о давних проказах Гелы, шашлыках из ворованных длинноухих зверьков:

«А самое смешное, что звучит слишком серьезно! «Кроликами» мы простых людей обзываем. Всех же остальных державных прихвостней – «овцами». Ты пей-пей, пока не остыл... И – слушай».

Лицо полуночного мыслителя вдруг побледнело. Едва не выронив кружку, он схватился за сердце:

«Старость, сынок! Ты на мой вид не смотри, – восьмой десяток размениваю. В нашем мире люди гибнут не за презренный металл. Мы и жизнью и кошельком поступаем во имя иных ценностей. Словами не объяснить. Законов державных не нарушаем по той простой причине, что никогда их не признаём. Все эти сучьи ярлыки: «подозреваемый», «обвиняемый», – не про нас. Вор – арестант по жизни, а не в силу прокурорской санкции. И вор никогда не кричит о свободе. Это забава рабов, не знающих вкуса вольной волюшки. Для таких мы всегда будем вызовом».

Дед потянулся за кружкой:

«Недавно брата схоронил, – младшенького. Спортсменом был, – гонщиком. Гонка-то родимого и dokonала. Только не та, на трассе, а другая. Ведь они не живут, а гонятся за жизнью. Куда им! Она всегда тью-тью... всегда лидирует. А оглядки ихние, – так это не на жизнь, сынок. Пустота... ад на пятки наступает. Вечный закон: не догонишь ты, – догонят тебя. Да и самого быстрого пустыня ждёт, – один на один с людской завистью. Мир хочет учиться на чьих угодно ошибках, только не на собственных. Но чужой опыт – плохой советчик. Как, впрочем, и свой. Ничто в этой жизни не повторяется. С годами даже нужду справлять затруднительно. Здесь-то уж все – профессора! На каждом шагу дерьмо. Возьми сегодняшнего прокурора. Про таких говорят, что с них всё, как с гуся вода. Вот кто птица высокого полета. Ты, поди, думал, – «орлы-соколы»? Нет, сынок, – обычные гуси. Эверест перелетают, клюва не отморозив. Потом грифы, стервятники разные. Голуби высоко летают. А вот мы... Орлы и соколы, сынок, чемпионы разве что в падении. За пикированием сапсана глазом не уследишь».

Старик, отхлебнув глоток, взглянул на Юрия:

«Значит, еврей, говоришь?».

Парень пожал плечами:

«Наполовину, – по матери. Отец – армянин».

«Не бывает ничего «наполовину», сынок. Ты каждой клеточкой организма еврей. Мама – это святое! Сколько она носила тебя в себе? А сколько вынесла от тебя после? И первый глоток воздуха! Свет твоих глаз! Вкус пищи! Первое нравоучение! Первая любовь и первое огорчение! Всё это – мама! А ты говоришь «наполовину»... Тебе-то уж точно Б-г выбора не оставил, еврей!»

Молчание остановило время. Свеча светила ровно, бездымно. Юрий взглянул на Деда. Его глаза полыхали огнём и какой-то неуверенностью. Тот думал так, словно проверял прочность собственных мыслей:

«Я к чему спросил-то... Ты вот долю оплакиваешь. А зря! Она у твоего народа – одна на всех. Беды, сынок, даже не начинались. Изгнание из рая – процесс длительный. Братоубийство, потоп, вавилонское столпотворение, Б-г... он требует жертвовать самым дорогим. Тем, чему ты поклоняешься. Ради твоей свободы. Откажись от того, что имеешь и обретёшь большее. Всё это испытания. Твое место там, за Иорданом, на святой земле.

Жизнь еврея как вспышка. Тьма. Потом – свет. И снова, – тьма. Пока не ощутишь источник. Ты – еврей. И у тебя один Господин. Всё остальное человечество имеет выбор. По крайней мере, нам позволено так думать».

Мудрец как-то странно взглянул на Юрия:

«Все люди – братья, парень! Тогда почему Б-г выбрал тебя? А роль «Каина» нам оставил?»

Он отвернулся. В его глазах бушевали огни инквизиции, крематориев Дахау, Аушвица, Белжеца. Плавающая пелена вдруг спала, и он понимающе взглянул на молодого собеседника:

«Ты всё увидел, сынок? Значит, твоей маме не о чём беспокоится. То была минутная слабость... Правда, в масштабе человечества она оборачивается «Хрустальной ночью» Бухареста, миллионами ваших жизней. А ведь увиденное тобою даже не горящая свеча! Всего лишь уменьшенное её отражение. Лучше понять всё сейчас, чем когда окажешься в Египте».

«В Армении», – поправил Юрий.

«Что «в Армении», сынок?».

«Меня везут в Ереван, а не в Египет».

Старик ободряюще сжал плечо:

«Эх, сынок! Для тебя, еврей, любая страна, кроме Израиля, – Египет! Прочти Библию, узнаешь».

В его зрачках заплясали язычки пламени. Юрий отвел взгляд:

«Никогда не верил в эти сказки».

Дед улыбнулся;

«А в Б-га?»

Пламя свечи заметалось, оживляя взор молодого:

«Ну а вы, с вашей верой и опытом, – почему здесь?».

«Это не вера, сынок, а знания. Когда-то я был монахом. Преподавал в семинарии. Пока не намекнули, что нужно и кесарю послужить. А нам двум господам никак нельзя. Сослали в Сибирь. Потом другие лагеря. Вот так и прошёл весь крестный путь от тбилисского Мейдана до Магадана...».

Старик устало потушил пылающие глаза:

«Оставь Всевышнему свои заботы, Божий ты человек! Что бы ты там не натворил, – не приписывай своей воле. Будь по нашему хотению, – сидели бы не здесь...».

«Но убийство...».

«А что «убийство»? Ты думаешь, оно – твоя беда? Это всего лишь громкое слово, отрубленная голова медузы – горгоны в руках закона... Жутковатая, конечно. Но стоит ей взглянуться в собственное отражение и... Громкое слово замолчит. Буквы рассыпятся. А пресловутый «меч правосудия» превратится в миф, камень».

Умудренная годами старость и облагороженная её близостью молодость проходили извилистый лабиринт. Они словно находились на островке, посреди океана ненужных штампов. Пламя, срывающееся с фитиля, оживляло воображение. Эти двое встретились впервые. Но их объединило желание увидеть солнце. И узники заслонились этой мечтой от могильной сырости.

В мрачной беспросветности закрипели нары. Барон тенью скользнул по стене в сторону «параша». Живой огонек заколебался. Тень потянулась к микрофону над дверью. Ритуальное:

«Шеварнадзе, шени дэда...» (Шеварнадзе! Твою мать...) шевельнуло мглу и пропало.

Призрак снова исчез в храпе великана.

Безмолвие срывало покровы. Оно упорно обрушивалось на тайны, постигая суть. Каждый думал о своём, – самом разном, главном и сокровенном. О благородном молчании, толкающем людей на отчаянные поступки. Низменных порывах, насмешливо упрекающих в благочестии. Дед молчал о запретном плоде, срываемом снова и снова. Миллиарды раз совершенный грех захлёбывался оправданием. Об этом писано и переписано. Но человек носит лишь то, что ему соответствует. Древние предания текут в жилах молоком матери. Ошибки прошлого как каменное надгробье. Их не принято поминать лихом. И люди охотно делают новые.

Парень искоса посмотрел на Деда. Взор старика грелся свечою. Длинные, белые пальцы рук покоились на коленях. Он больше не рассматривал заманчивых предложений. Да и вряд ли они имелись. Жизнь вора исчерпала свои ресурсы. Недосказанность фраз обусловлена временем. И лишь над мыслью оно не властно. Время словно умолкает и течёт по иным законам. Мысль гораздо содержательнее слов. И хотя заносчивость не чужда человеку, но лицемерие разум отрицает полностью. Мозг просто не способен лгать! Юрию захотелось открыть то, в чем ещё никому не признавался:

«Мамы я не помню. Ни глаз. Ни лица. Ничего. Отец забрал меня, но не мои воспоминания. Наверное, у родителей была причина. Вот только знать её я не желаю. Ребенок – не

игрушка. И осколки детства довольно болезненны. Я пытался не думать. Пробовал жить без утраченного. Не выходит! Боюсь, что запертый в настоящем, я стал зверем. Тех ребят не обязательно было убивать. Но я это сделал. А ведь я прошел Афган. Бывал на волосок от смерти. И умею ценить жизнь. Те ребята забрали у моих друзей деньги, но не жизнь. Иногда, кажется, что так я отомстил родителям. А самое страшное, что сейчас не испытываю никаких эмоций. Ни угрызений совести. Ничего».

Он закрыл лицо руками. В глазах старика отразились эти пальцы, отгородившиеся от реальности:

«Сынок, не надо так усложнять! Ты не на исповеди. Говоришь же, – сами напросились. Да и не всякая кровь вызывает к отмщению. Убийство – древнейший способ улаживания проблем. А что естественно, то... – сам знаешь. Вот насильники, маньяки, педофилы и прочие... – это неестественно. Не по-людски. Разве ты подвесил жизнь на паутинке?»

Похлопав Юрия по плечу, он снял нагар с фитиля. Парень задумался:

«Вы же сами сказали о нежелании играть роль Ка...»

Рука Деда сдавила запястье парня, как тисками:

«Слушай, сынок! Убийство убийству рознь! Братья любили друг друга. Но Отца ещё больше! И ревновали соответственно. Каин убил из-за любви к Отцу. А не в претензиях к брату. Слепо устранил препятствие, которое, как ему казалось, стояло между ним и Б-гом. Осуждают не за убийство. Оно – то как раз и является основным аргументом в политике стран и народов. На засеянных смертью полях войны пожинаяют горы трупов. И всё это с благословения церкви и чиновников. В любом случае, – не надо приписывать волю Небес собственным прихотям».

Во взгляде Деда заметались всполохи битв. Он медленно разжал пальцы, и кровь в венах парня облегченно вздохнула. На этот раз молчание старого вора обличало. Кричало о других убийствах, протянутых к Небу руках матерей, глазах, иссохших от горя...

«А голод! Он как косою косит человечество. Десятки миллионов жизней ежегодно! Ты представляешь, сынок, пламя миллиарда свечей? Жарче и ярче солнца! И вдруг – голод! Одно могучее дыхание и... наступает мрак. Думаешь, кто-то от этого страдает бессонницей? Здесь каждое утро выбрасывают уйму хлеба, – пайковые полбуханки. А где-то на планете в это время гибнет ребенок. Из-за этой вот полбуханки, так ему необходимой».

Пламя свечи помутнело, заблестело и потекло слезой по морщинистым щекам. Молчание юноши стало более сдержанным. Шёпот порой бывает убедительнее крика. Старость и молодость понимали друг друга без слов. Мрак и тишина остались за мерцающим кругом. Однажды не увидев рассвета, люди нашли его отголосок в ночи. Ведь она никогда не бывает кромешной.

Храп Барона шуршал тараканами по стенам. Всхлипывающее дыхание Кролика бежало за ним, вприпрыжку. Иногда свеча издавала треск. На мгновение появлялся чёрный дым. Но это всего лишь миг... Жизнь человека трещит и коптит куда чаще! Дед отклонил предложенный чай:

«Ни о чём не жалею, сынок. В этом мире всё происходит по Его воле. Не бери греха на душу, полагая, что нам дано что-либо испортить. Б-г дал! И никто не в силах этого изменить. Воля Его может быть непонятной, пугающей. Всё просто, сынок, – если можешь, то будь благодарен. Тебе, наверняка, придется лгать. Люди любят, ждут чужого раскаяния. И ты его им дашь, но оно не приходит по заказу. Только не занимайся самообманом. Тебе сейчас больно. Видишь свою жизнь, мечты, отношения, – в руинах. Поверь, что это не так. Кажется, война проиграна. Но... Кто знает наверняка!»

Дед устало закрыл глаза. Пламя свечи заметалось, всполошилось. Он знал и это. Сжалившись над пылающим нарциссом, старик вновь показал свою душу:

«Видишь, сынок! Пламя и то хочет красоваться в глазах другого. Так и мы! Из шкуры вон лезем ради мнения окружающих... А ведь человек – это свеча Всевышнего! И только Его Глаза должны быть нашим зеркалом...»

Мрак сомкнулся над оплавленным кусочком воска. Ночь вступила в свои права, навевая сон. Там, за сомкнутыми ресницами, происходят чудеса всех цветов радуги. Появляется свет. Сотворяется мир. Рождается человек. И... умирает. Когда Юрий проснулся, дверь камеры была открыта настежь. Люди в белых халатах и форме. Отдельно – в чёрном. Барон, Тела и ещё трое из соседних «хат». Врачи шептались с ментами. Заключенные молчали. Все смотрели в правый угол, где «спал» Дед, обретший долгожданную свободу. Руки старого вора навечно соединились с сердцем.

Дорога туда

Ловушка, кругом ловушка.
Мысль бьется в сети, кричит.
Игрушка судьбы, я – игрушка. Что делать?
Весь мир молчит.
Спасаться. Но как? Сдаваться?
Что делать, куда бежать?
С любимыми расставаться... Эх, все бы сперва начать!
Дорожкой горной узкой, мне выбраться бы со дна,
С отчаянною перегрузкой свобода сейчас нужна!
Исправить все изловчиться, круг замкнутый разорвать,
От прошлого защититься, собой наконец-то стать.
Все игры меж тьмой и светом, все призраки тишины
Недвижимо, как пред рассветом,
стоят вдоль моей стены.
Как вырваться, как спастись мне?
Осколки судьбы собрать...
Нет выбора, – расплатись с ней!
Прощенья придется ждать.

Молодой еврей вспомнил о рассвете... Наверху, по-видимому, уже светит солнце. Смерть в тюрьме для такого человека как Дед, казалась естественной. Юрий помнил каждое слово ночной беседы. Он мог бы поклясться, что в его сознании думы старика раскрывались словами. Может так не бывает? Не могут люди слышать мысли и – всё тут! Но он готов был поклясться. И это навязчиво восходящее солнце... Восхитительное зрелище! Вот горизонт на востоке медленно озаряется. Поначалу как отблеск большого костра. Затем всё светлее, светлее... И вдруг брызги золота! Огненный шар такой величественный, что хочется хлопнуть в ладоши как фокуснику. Да! Рассвет – это восторг ребенка. Иное дело – закат. Парень вспомнил глаза Деда. В них была какая-то усталость. Уход солнца – это печаль, утрата. Пытаешься взглядом задержать его исчезновение. Оттянуть прощание. Однако, не человек установил пределы. Закат всегда содержательнее начала дня. И романтичней. Утром всё неопределенно, в хаосе фантазий. В конце же – итоги подведены. Время истекло. Мечты осуществились. Худшие опасения – не сбылись. Закат уносит в себе людскую благодарность. И – беспокойство. Не факт, что завтра всё повторится. Как и нет вообще никаких гарантий. И всё же, парень не мог свыкнуться с мыслью, что Деда больше нет. Как вчера не хотел верить в его реальность. Умерший вызывает какое-то необъяснимое почтение. Живые поневоле снижают голоса. Стараются не шуметь и держаться от покойного на расстоянии. Смерть незримо присутствует на торжестве в её честь. И люди это чувствуют. Человек думал о бренности жизни. О том, что однажды всё прекратится. Мысль оборвется в гаснущем сознании. Сердце остановится. Лёгкие жадно вберут последний глоток воздуха и... Ему не раз приходилось видеть такой закат. Горечи утраты не бывает. О прощании тоже не думаешь. Просто смотришь, как «кредитор» собирает долги. Парень спрашивал себя: «Можно ли к этому подготовиться?».

Сейчас Дед ответил и на этот вопрос. Нужно ко всему быть готовым. Так будет честнее. Люди – смертны. Игнорировать это глупо. Молодому человеку трудно представить, что может умереть через секунду. В худшем случае, это случится завтра. Но «завтра» – как горизонт. Оно постоянно удаляется в следующий день. Смерть же, наоборот, приближается. Её можно

ускорить. Замедлить. Или подождать. Но избежать – невозможно. Еврей посмотрел на скрещённые руки и отвернулся. С минуты на минуту за ним должны прийти. В ушах невольно слышалось слово «Египет». Вот только при чём здесь еврей? Когда-нибудь он узнает и это. Сейчас... Мысль о предстоящем пути ТУДА не давала покоя. Он не знал, каким маршрутом и транспортом его повезут, – этапируют. Мрачно усмехнулся:

«Ещё одно новое слово с запахом ржавых цепей, дорожной пылью, униженной и измученной плотью».

Узников вывели. Камера временно перестала быть тюрьмой. А для кого-то и навсегда. Барона и Гелу завели в соседнюю. Прощаясь, они обняли еврея. Пожелали удачи. Великан задержал его руку в своей:

– Будь самим собой, парень! И не соглашайся на компромиссы. Помни всегда, что ничего наполовину не бывает. А в человеке – тем более. Сам видел. Ты либо есть, либо – нет. Над первым даже смерть не властна. Не давай тюрьме выдавить из тебя человека! Нахомдис, дзмао! Каргат ихавэ!(Прощай, брат, – будь здоров!)

И бывшие сокамерники скрылись за железной дверью. Лестница вывела Юрия наверх. Знакомый майор встретил ухмылкой:

– Ну, как, бичё, – не передумал? Выйдешь за дверь, и я уже не смогу помочь.

«Бичё» поёжился:

– Нет, спасибо! Обойдусь как-нибудь. Лучше поеду в Египет.

Майор непонимающе сморщился:

– Чего? Какой такой «ягипет», бичё? Ты чё, обкурился, что ли?

И опер махнул конвоирам, чтоб увели. Массивные резные двери выпустили узника наружу. Солнце ослепляюще полыхнуло и он зажмурился. Ненадолго. Истосковавшийся взгляд устремился навстречу свету. Внизу были люди, машины. К одной из них он и спустился. Охранник насмешливо пошутил:

– Дорога открыта, – можешь рискнуть. Только не обессудь!

И он коснулся стального затвора. Из толпы полетели смешки. Отделились трое, – явно не местных. Один сел за руль. Другой открыл дверцу «семёрки». Это было особое приглашение. И узник согласился. Салон просторнее недавнего подвала. Есть окна. День. Земля и небо.

Сопровождающих он даже не заметил. Те распрощались с новыми друзьями и сели рядом. Автомобиль тронулся с места и выехал на дорогу. Не было традиционного банкета. Прощальных тостов. Тёплых пожеланий. Армяне просто делали работу.

Суетность центра мелькающе исчезала. Одни спешили жить. Другие им мешали. Потoki тротуаров зажали слой асфальта. Люди пытались убежать от выхлопной отравы. Машины не пускали. Над ними нависли здания, реклама, светофоры. Вот показался мост. Десятки рыбаков опирались о перила. Ранний улов ждал своих покупателей. Белая «семёрка» свернула в район Авлабара. Старый Тбилиси был великолепен. Солнце ласкало черепицу крыш и зарывалось в кружево листвы. Волшебство осени никого не оставляло равнодушным. «Когда-то я любил бывать в гостях у сказки. Теперь стал взрослым...», – парень осмотрелся. Машина остановилась на бульжной мостовой поселка Элиа. Из багряно-золотистого облака показалась девушка. Аромат юной прелести заполнил всё вокруг. Водитель обнял сестру и усадил рядом. Её звали Луизой. Училась на юрфаке в армянском столичном универе.

Пока машина выруливала на набережную, Юрий узнал имена остальных. Лидера охотников за головами звали «Вовой». Он перекрывал левый выход. Русской внешностью обязан, скорее всего, одному из родителей. Второй представился как «капитан Авакян». Брат девушки отзывался на имя «Вардан». Сестра что-то весело рассказывала ему. Миндалевидные чёрные глаза смешинками скользили по лицам спутников. Она проверяла своё обаяние. Каштановые волосы перекатывались с одного плечика на другое, едва поспевая за увлеченной говоруньей. Невзирая на ноябрьскую прохладу было тепло. Порывы ветра не проникали в салон. Неволь-

ника этой честной компании разморило, хотелось спать. Сказалось напряжение последних дней. Хорошо, что удалось сомкнуть глаза за час-полтора до... Нет. Он не знает, когда умер Дед. Это случилось раньше пробуждения:

«Час-полтора... Приблизительно столько же осталось до границы с Египтом, то есть – Арменией. Спать сейчас он просто не имеет права!».

Юрий оценивающе скосился на правого опера:

«Высокий, крепкий».

Этот смуглый, остроносый парень тридцати лет был неопасен. Он спокойный и самоуверенный. А значит, возни с ним не будет. Пленник и предположить не мог, что его самого уже взвесили и измерили. Иначе, понял бы причину напускной беспечности. Но молодость не самокритична. И он продолжил тешиться «аналитикой». Брат говоруньи тоже не боец. Вардану на вид не больше двадцати двух. Это возраст рефлексов, а не мастерства. Паренек казался довольно наивным. Но выглядеть перед девушкой серьёзным мешала улыбка в тридцать два зуба. Сестра и брат были похожи, только волосы парня намного короче и «ёжиком». Невысокий, но широкоплечий. Костяшки пальцев сбиты до черноты. Юрий решил, что с этими операми справится без проблем. Но вот как быть с третьим? Здесь «Шерлок Холмс» пасовал. Его опыта явно не хватало. Старший группы принадлежал к типу людей под грифом «Секретно!». Внешность ничего не говорила. Голос, жесты, – тоже. А отсутствие представления о противнике не способствует победе. Но риск считался благородным делом и героя это заводило. Длинные каштановые локоны перелетали с одного гнездышка на другое. С домашних тем она перешла на студенческие. Юрий прислушался. Неужели эти эмоции смогут когда-либо расследовать, обвинять, судить? Воображение отказывалось видеть в девушке будущую суровую беспристрастность. Размышления воображали бесцеремонно прервали. «Секретный» Вова и «капитан Авакян» проинструктировали арестованного:

– Значит так! Пока обойдешься без наручников. Если не возражаешь, конечно! Четыре – пять часов дороги. Мы тебе не враги. Поэтому, давай жить дружно! С твоим отцом обо всём договорились. Он классный мужик и чача у него тоже отличная. Целый день провели у вас. Семья твоя просила, чтобы ты не делал поспешных выводов. И они правы. Нерешаемых проблем не бывает. В багажнике сумка с твоими вещами, – жена передала. Мы поняли друг друга?

Вова вопросительно смотрел на арестанта. Юрий согласно кивнул:

– Не тупой. А как всё сложится, – будет видно.

Мозг лихорадочно искал лазейку. Эту трассу он знал, как свои пять пальцев:

«Если без задержек, то скоро граница. За ней будет труднее. Как там сказал Юлий Цезарь, – «Сейчас или никогда!»».

Неудачное сравнение заставило поморщиться:

«И почему люди возвеличивают тех, кого предают друзья? Поступок Брута, Сальери, Иуды и других братьев Иосифа должен иметь иное объяснение. Возможно, это – кара. Как и в моём случае. Не соседи же нарушили обязательства. Это я вынудил их разорвать договор...»

«Беспечные» ребята моментально догадались о сомнениях, терзающих подопечного. «Капитан Авакян» заинтересовано повернулся к пленнику. Вова тоже напомнил о себе. Он положил руку на плечо арестованного и участливо спросил:

– Ты чем-то встревожен? Или беспокоиться нужно нам? Послушай, парень! Отец тебя в беде не оставит. Так что, подумай, – как бы ни накликаешь новую! Проблем у тебя и так хватает. Но все решаемы. До определенного момента.

Он убрал свою руку и отвернулся. «Капитан» снова увлёкся грузинским пейзажем. Эти двое были профессионалами и умели убеждать. Арестант задумался. Он, конечно, понимал причину такого снисхождения. Наверняка получили аванс от отца. В родительских способно-

стях сын не сомневался. Однако детский опыт советовал не верить. Хотелось развязать «Гордиев узел» одним ударом. И всё же парень размышляет, колеблется...

Вскоре черта города осталась позади. Юрий так и не оглянулся. Тбилиси навсегда останется в его памяти багряно-золотистым облаком с гортанным говором своих обитателей и гостеприимной преданностью друзей. Это было незабываемое мгновение юности, гордости и вина. Одно из многих незабываемых... Впереди ждал перевал.

Горная дорога, спустилась к виноградникам, извиваясь змейкой. И поползла мимо сверкая фарами, шурша колесами и сигналив клаксонами. Сквозь людей и селения, оставляя след. Жизнь в горах Грузии отличается своей патриархальностью, преданностью традициям, живописными обычаями. Взор углубился в невидимое. Натянутая на барабан кожа отозвалась музыкой. Началась чидаоба – национальная борьба. Ежедневно, в каком-нибудь из сёл, собирались лучшие бойцы всей окрестности. И праздник расцветал. Зрители рассаживались по кругу. И под аккомпанемент свирели и дхола (грузинского барабана) начинался бой. Его открывали самые маленькие борцы. Трёх – пятилетние малыши забавлялись с серьёзным видом. Взрослые – наоборот. Профессионалы международного класса выступали в конце. Выходил чемпион предыдущих игр и бросал клич. Судья перечислял его достижения. Затем заслуги принявшего вызов. Борцы разных стилей сходились в горной схватке и зачастую проигрывали. Лишь самбистам улыбалась удача. Да и то изредка. Сельские горцы воодушевлённо укладывали титулы на лопатки. Победитель уносил домой ягненка или приз покрупнее. Ни второго, ни третьего места. Как, впрочем, и в жизни...

Воровское напутствие не имело акцента. Всё чётко и логично. Оживлённые детали соединились вечностью. «Не бывает ничего наполовину...». Человек – это то, что вокруг. Он никогда не проходит мимо и ничего не теряет. Проникается миром. Пробирается внутрь. Сегодня богаче, чем вчера. На мысль, чувство, явление, эмоцию... Часть его осталась здесь, – в этих горах, людях, деревьях. И так повсюду, где когда-то был, с кем соприкасался. Одни исчезают в многообразии. Другие становятся многогранней. Но остаются все остальные. У зависающих над пропастью нет шансов. Узник искал точку опоры. Остатки самоуверенности сгорели в ночном пламени. Он был растерян, хотя и старался этого не показывать. Мысль Деда о неразрывности судеб, о связи части с целым, звучала убедительно. Детские воспоминания были размыты, и вся дальнейшая жизнь строилась на этой туманной основе. Парню нечего возразить тающей дымке. Она исчезла с первыми лучами восходящего солнца. Испарилась вместе с призраками, порожденными слепой фантазией. Как найти себя? Он посмотрел на дорогу. Подъем становился всё круче и круче. Тот, кто не дождался рассвета, сравнивал судьбу еврея со вспышкой во мраке, – чередой света и тьмы. Еврей же увидел свою жизнь как проторенный в горах путь, непрестанно ведущий вверх. Пока человек жив, он способен на поступки. А тот, кто умирает перед каждым препятствием, навряд ли достигнет цели. Обходной путь ведёт другим маршрутом. И совсем не туда. Живой огонёк запылал в глазах Деда с новой силой, – «ничего не бывает наполовину». Без корней. Без рода и племени. В чужой стране. Собственной тюрьме. Его просто не существует. Неудивительно, что жизнь превратилась в черно-белую:

«А было ли когда-то иначе? Что-то не слышу своего детского смеха. Не вижу рук отца, подбрасывающего меня в воздух... Но ведь я был ребенком! Или нет? Что бы ни таилось в провалах памяти, оно не должно оставаться во мраке и затягивать туда всю мою жизнь...»

Машину сильно тряхнуло. Потом ещё раз. Водитель притормозил. Двухметровая змея билась в агонии. Дружбе хладнокровной рептилии и асфальтного тепла пришёл конец. Роковой час для обоих. Столкновение не взволновало убийц. Пресмыкающаяся жизнь оправдывала всё. Так было всегда. Вардан лихо газанул, красуясь в чёрных глазах восхищения. Клубы дыма скрыли очередную жертву. Люди весело болтали. Узник не понимал ни слова. Тбилисский диалект отличался от звучащей речи. Да и не только язык. Вдруг он увидел в руках старшего

группы знакомую книгу. Вова листал роман Эрнеста Хемингуэя «По ком звонит колокол». Заметив взгляд подопечного, он кивнул на книгу:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.